

№ 8 (190)
август

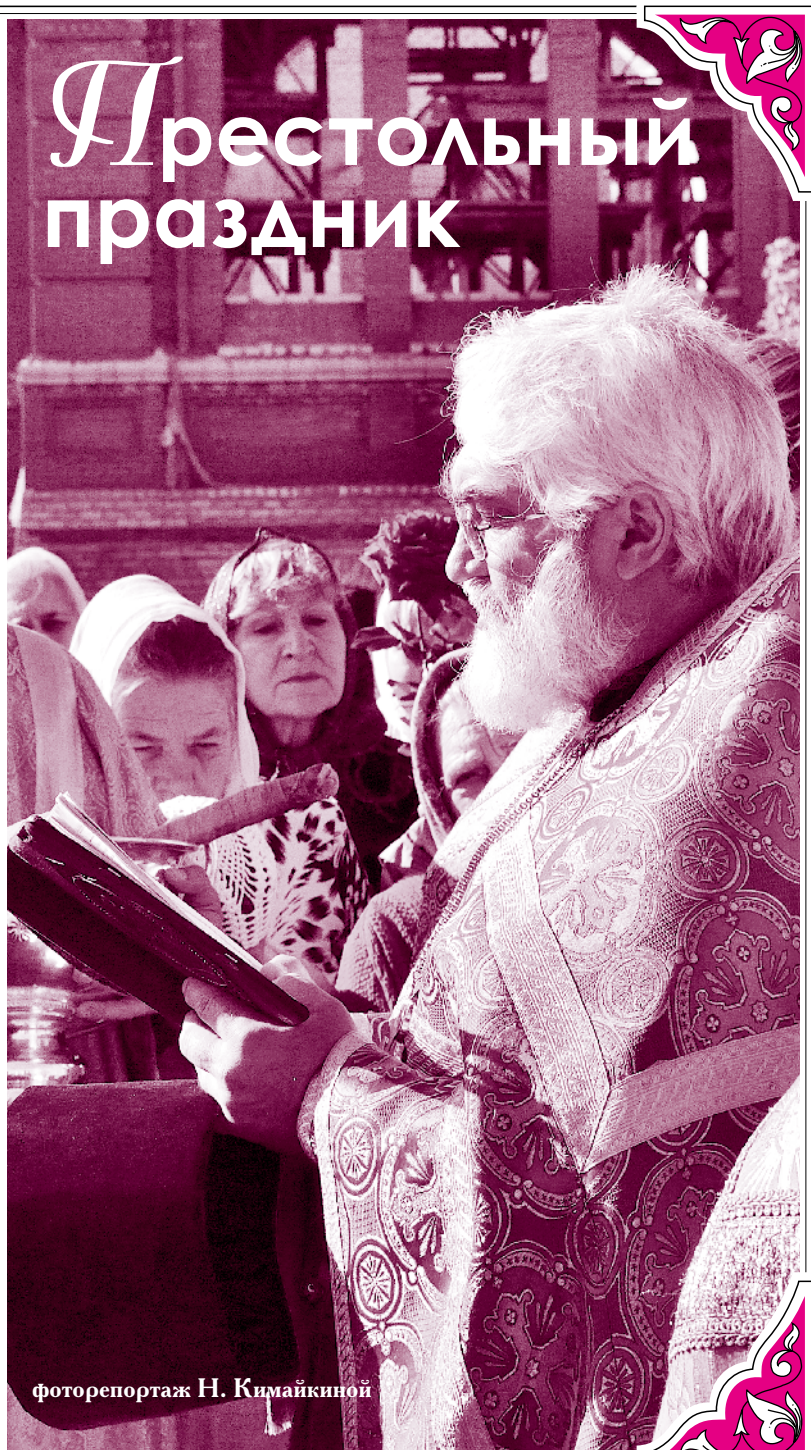
2012

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

Престольный праздник

фоторепортаж Н. Кимайкиной

ПРОПОВЕДЬ

Гушествует выражение: «закричать не своим голосом». Этот крик есть выпадение человека в дочеловеческую безличную стихию. Несмотря на весь технический прогресс нашего времени (а, отчасти, и благодаря ему), не мало людей в наши дни, кричат «не своим голосом» — от страха, страдания, недоумения, или возмущения жестокостью других. Но, может быть, еще более характерной чертой нашего времени является то, что многие люди в мире говорят не своим голосом. Личность человека стандартизируется, обобщается, стирается.

Удивительно то, что каждый из трех миллиардов людей земли обладает единственным, неповторимым и незабываемым голосом. Бессмертная личность запечатлена в каждом человеке и отражается в неповторимых чертах и выражениях его лица, во взгляде его, голосе и даже в особых линиях кожи его на пальцах... Птиц мы узнаем по общим их голосам, а человека — по личному, неповторимому, единственному, незабываемому голосу, взгляду и почерку. Не есть ли это яркое свидетельство бессмертной личности человеческой? Конечно.

Когда люди духовно отдаляются от своего Творца (тем более, когда — борются против Него) они этим уходят и от самих себя. А возвращаясь к Богу, веруя в Бога, человек возвращается к самому себе, к своей душе. Это и говорит притча Евангелия о блудном сыне, ушедшем от отца, а потом вернувшемся к нему. Таков закон духа: забывая Бога, человек забывает свое собственное лицо, деперсонализирует себя. Теряя истину, человек теряет с нею и жизнь. И все трудности и все неудачи человеческие (особенно в брачной и семейной жизни) связаны с этим.

К. И. Чуковский верно писал о стиле, обезличивающем человека и назвал этот стиль канцеляритом. «Канцелярит», не только область канцелярий, а и общественной жизни. Он есть одно из проявлений не своего голоса в человеке.

Этому способствует техническая цивилизация, если она не побеждена светлым духом человека, не уравновешена культурой. Человек гордо и тщеславно покоряет землю и планеты, но — так редко и так недостаточно он царствует над своей душой, над своим словом, над искренностью своего слова и сердца... Оттого в мире так много людей кричат или говорят «не своим голосом». Не только отдельные личности, но и целые коллективы говорят стандартно, вопиют штампованной мыслью, на копейку правильной, на рубль ложной...

АРХИЕПИСКОП ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ (ШАХОВСКОЙ)

Ушедший от Бога, уходит и от самого себя. Развивается в человечестве мыслительная и волевая мимикрия, словесное и эмоциональное звукоподражание. Личности призваны быть неповторимыми, дополнять друг друга, служить друг другу своими особыми дарами и талантами. Но сколько в мире слов, в которых ничего, или почти ничего нет, кроме звукоподражания. «Не своими», какими то чужими голосами люди вступают друг с другом в спор и даже диалог и растворяют друг друга в отвлеченностях, покрывая друг друга мертвыми лозунгами, стандартными квалификациями. Тут главная драма человечества. Только личный голос человека отражает правду, заложенную в самую глубину творения, в сущность человека.

В марксизме есть ходкая мысль о том, — что надо не столько думать и философствовать о мире, сколько изменять мир. За два тысячелетия до Маркса, эта мысль была высказана в Священном Писании, в гораздо более глубокой форме: «Вера без дел мертва», — вера

человека «оправдывается от дел». А задолго и до этих апостольских слов, человеку было открыто, что он призван Богом возделывать землю своим творческим трудом и изменять ее, трудясь на ней «в поте лица своего». Но если человек будет пытаться «изменять мир», без осознания основного смысла жизни этого мира и своей жизни, руководствуясь только абстрактной мыслью о каком то титаническом «изменении земли», то — ничего не получится из этого, кроме страдания и хаоса. К 70-м годам XX века мы уже хорошо знаем об этом. Оттого и знаменитая формула Маркса о необходимости не философствовать о мире, а «изменять мир» ничего сама по себе не означает. Цель, качество и средства такого «изменения» мира должны доказать свою благодатность. Народная мудрость остепеняет поверхностных активистов: «семь раз отмерь, один раз отрежь». Только посмотрев в святцы надо «бухать в колокол». Даже самое энергичное «изменение» чего либо, без светлого разума и духа, бессмысленно и бесчеловечно. И Исаак Сирийский сказал, что даже любовь, высшее добро мира — несовершенна без мудрости. И идея «изменения мира» без глубинного понимания мира и человека, есть сила развязывающая зло.

Осмысливая историю, с ее тьмой и светом, постигая бессмертную глубину и высокую цель человеческой жизни, нельзя не прийти к выводу, что человеку, прежде всего, надо стать настоящим человеком, чтоб начать в лучшую сторону изменять мир. А когда нравственно слепые люди «изменяют мир», они его изменяют в худшую сторону.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

Они хотят «изменить мир», не зная этого мира, не веря в нравственную сущность ни его, ни человека. Как улучшить мир не улучшив человеческого сердца? Океан крови пролился и продолжает проливаться ради отвлеченных проектов будущего. Оттого Священное Писание, открывая Лицо Божие, призывает не к просто действию ради действия или изменению ради изменения, но к слушанию Истины и к послушанию ей, в силе Духа, и исполнения

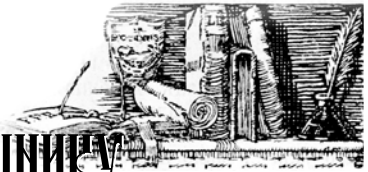
воли Того, Кто сотворил все и дал всему путь. Им даны человеку пути истинного изменения мира, пути очищения, прощения, возвышения, освящения и преобразования человека. И только встретив Отца своего, услышав Его голос, мы начинаем понимать себя и мир. И видим тогда, что надо в себе улучшить и в мире изменить.

По страницам книги
«Апокалипсис мелкого греха»

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

ПРЕП. ИСААК СИРИН

НЕ ПИТАЙ НЕНАВИСТИ К ГРЕШНИКУ

Не питай ненависти к грешнику, потому что все мы подлежим ответственности. И если восстаешь на него ради Бога, то плачь о нем. И для чего тебе ненавидеть его? Ненавидь грехи его и молись о нем, чтобы уподобиться Христу, Который не гневался на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как плакал Он об Иерусалиме (Лк.19:41)? И над нами во многом посмеивается диавол; за что же ненавидеть того, кто, подобно нам, осмеян и над нами посмеивающимся диаволом? И за что ненавидишь, человек, грешника? Не за то ли, что он, подобно тебе, неправеден? Где твоя правда, когда не имеешь любви? Почему не плакал ты о нем? Но ты гонишь его. По неведению иные возбуждаются к гневу, представляя себя судьями над делами грешных.

Будь проповедником Божией благодати, потому что Бог правит тобою, недостойным, потому что много ты должен Ему, а взыскания Его не видно на тебе, и за малые дела, тобою сделанные, воздаст Он тебе великим. Не называй Бога только правдивым к тебе, потому что в твоих делах не дает себя познавать правосудие Его. Хотя Давид именует Его правдивым и правым, но Сын Его открыл нам, что паче Он благ и исполнен благостыни. Ибо говорит: благ есть к лукавым и нечестивым (Лк.6:35). Почему именуешь Бога только правдивым, когда в главе о награде делателям встречаешь: ...друзе, не обижу тебе... хощу и сему последнему дати, якоже и тебе... Аще око твое лукаво, яко Аз благ есмь (Мф.20:13,14,15)? Почему также человек именует Бога только правдивым, когда в главе о блудном

сыне, блудно расточившем богатство, встречает, что при одном показанном им сокрушении притек и пал на выю его, и дал ему власть над всем богатством Своим? Никто другой не сказал сего о Боге, чтобы мы не усумнились о Нем; напротив того, Сам Сын Божий засвидетельствовал о Нем это. Где же правда Божия? — Мы грешники, а Христос за нас умер! Если столько Он милостив, то будем веровать, что не приемлет Он изменения.

А не помыслим никогда сего беззакония, чтобы Бога наименовать немилосердным! Свойство Божие не изменяется, подобно мертвецам. Бог не приобретает того, чего у Него нет, не лишается того, что у Него есть, или не получает приращения, подобно тварям. Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Кирилл в толковании на книгу Бытия: бойся Бога, говорит он, из любви к Нему, а не по грозному имени, Ему приданному. Возлюби Его, как обязан ты любить Его, и не за то, что даст тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем, и за этот один мир, который сотворил Он для нас. Ибо кто в состоянии воздать Ему? Где воздаяние Ему в делах наших? Кто убедил Его вначале привести нас в бытие? Кто умоляет Его о нас, когда мы не вспоминаем о Нем? Когда нас еще не было, кто возбудил к жизни это тело наше? И еще: откуда мысль ведения западает в персть? О, как дивно милосердие Божие! О, как изумительна благодать Бога и Творца нашего! Какая сила, довлеющая на все! Какая безмерная благость, по которой <Он> естество наше в нас, грешных, снова возводит к воссозданию! У кого

достанет сил прославить Его? Восстанавливает преступившего заповедь Его и похулившего Его, обновляет неразумную персть, соделывает ее смысленною и словесною, персть рассеянную и бесчувственную, чувства расточенные делает природою разумною и достойною способности мыслить! Грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения Его. Где геенна, которая могла бы опечалить нас? Где мучение, многообразно нас устрашающее и препопеждающее радость любви Его? И что такое геенна в сравнении с благодатью воскресения Его, когда возставит нас из ада, соделает, что тленное сие облечется в нетление, и падшего в ад возставит в славе?

Приидите, рассудительные, и удивляйтесь. Кто, имея ум мудрый и чудный, достойно подивится милости Создателя нашего? Есть воздаяние грешникам, и вместо воздаяния праведного воздаст Он им воскресением; и вместо тел, поправших закон Его, облакает их в совершенную славу нетления. Эта милость — воскресить нас после того, как мы согрешили, выше милости — привести нас в бытие, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмерной благодати Твоей! Вот, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и не осталось у меня мысли для возблагодарения Тебе! Какими устами исповедуемся Тебе, благий Царь, любящий жизнь нашу? Слава Тебе за сии два мира, которые создал Ты к нашему возрастанью и наслаждению всем, Тобою созданным, возводя нас к ведению славы Твоей, — слава Тебе отныне и до века! Аминь.

Слова подвижнические

Слово 90

СЛОВО ПАСТЫРЯ

МИТРОПОЛИТ
АНТОНИЙ
СУРОЖСКИЙ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ИЗ БЕСЕД ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

А говорил о Боге Отце именно как о непостижимом в Его величии, в Его святости. Еврейское слово «святость» нам говорит не только о совершенной, непостижимой чистоте, красоте, величии, оно нам говорит о том, что святость Божия должна в нас вызывать трепет, страх. Не испуг, а именно страх, то есть такое состояние, когда ты можешь только пасть на колени и оставаться в присутствии Божиим, в священном ужасе, но не в страхе в обычном смысле этого слова.

А место этой встречи — алтарь. Алтарь является гранью, эсхатологической гранью, и поэтому как трепетно должны бы мы вступать в алтарь! Мы так привыкли к храму, мы привыкли к его разделению на разные части, к тому, что священник, дьякон, входят в алтарь, к тому, что прислужники там бывают, но как нам надо было бы обновить в себе этот священный ужас! Я с вами говорю прямо и лично и скажу тут: я никогда не вступал в алтарь до дня, когда меня ставили дьяконом. У меня был такой ужас, такой трепет о том, что алтарь — область Божия и что мне, мирянину, войти в нее нельзя. И не потому, что я мирянин. Мирянин — член Церкви, частица Тела Христова, но даже этого недостаточно для того, чтобы вступить в алтарь. Да, мы продолжаем в него вступать, мы детей допускаем, мы взрослых допускаем, но как дети и взрослые должны быть воспитаны в сознании о том, что они вступают в такую священную область, в которую святые боялись вступить!

Мне вспоминается разговор с отцом Георгием Флоровским. Его отец был священником, и отец Георгий мне рассказывал, что, когда он подросток, он спросил отца, не позволит ли тот ему прислуживать в алтаре. И отец покачал головой и сказал: «Нет, я тебя в алтарь пущу тогда, когда ты научишься молиться». И конечно, он говорил не о том, что маленький Георгий должен был заучить молитвы, исполнять правило. Нет, речь не об этом шла, а о том, чтобы он осуществил в меру своей детскости, в меру детской чистоты то, что молитва собой представляет в своей сущности: встречу с Богом. Ничего другого в молитве нет, все слова, которые мы употребляем, все действия, которые мы совершаем в молитвенном нашем труде — или подвиге, если речь идет о святых, — сводятся только к тому, чтобы нас научить через пример святых, как стоять перед Богом, как Его встретить. И то, что я только что вам говорил о Церкви как об эсхатологическом обществе, об алтаре как о грани, где встречаются тварное и нетварное, Божественное и созданное, это и есть встреча и это и есть молитва, и вот это нам надо понять.

И это относится не только к тем, которые вступают в алтарь, это относится ко всем нам, потому что мы не извергнуты из алтаря, когда мы стоим в самом храме, мы защищены в нашей неподготовленности от того, чтобы вступить в область, куда можно ступить только по благодати.

И в этом отношении — к этому я хочу позже вернуться, но сейчас скажу попутно — как мы должны молиться о дьяконе и о священниках, которые совершают богослужение, которые вступают в алтарь, и притом не просто боковой дверью, но через Царские Врата. Как страшно это! Дьякон, по учению Церкви, остается мирянином. Это не значит, что он не принадлежит царственному священству (1 Пет 2:9), которому принадлежит каждый член Церкви, но он мирянин в том смысле, что он представляет собой в алтаре всех мирян, которые находятся в храме и вне храма, во всем мире.

Как это страшно и дивно! Всем нам еще рано войти в область встречи лицом к лицу с Богом, и мы того или другого чело-

века избираем и посылаем его в это страшное место встречи. И как он должен к этой встрече готовиться, чем и кем он должен стать для того, чтобы эта встреча была ему не в погибель, а в спасение ему и другим. Он будет говорить молитвы вслух: это молитвы всего Тела Христова, но он их говорит от нашего имени, выходя из алтаря, где совершается эта дивная и страшная встреча. Как ему надо готовиться именно к встрече — не к богослужению, а к встрече, которая найдет себе выражение в

богослужении, но без которой он будет медь звенящая, пустой звук.

Вот что представляет собою алтарь, какое он дивное и страшное место. Это место, где мы можем быть в присутствии невидимого нам и непостижимого еще Отца. Мы не бываем ослеплены, мы не умираем от этой встречи: мы как бы за завесой, и эта завеса — Христос, наша защита, Который до нас доносит то, до чего мы сами дойти не можем и не смеем.

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Алтарник — церковнослужитель, помогающий в алтаре священнослужителям при совершении богослужения. Термин возник в середине XX века; прежде прислуживавших в алтаре называли пономарями.

Пономарь (искаженное греч. приставник) — церковнослужитель, упоминаемый в уставе. С первых веков христианства — сторож храма, не допускавший в него неверных, отлученных и др. В его функции также входило поддерживать храм в порядке, т. е. запираеть и отпирать его, возжигать свечи и т. п.

Впоследствии пономарь нередко стал выполнять должность чтеца.

На должность алтарника настоятелем выбирают мужчины-миряне, обладающие высокими нравственными качествами, исполненные благоговения, знающие порядок богослужения.

К богослужению и к алтарю алтарник должен относиться с особенным благоговением и знать порядок богослужения и Типикон. В современной церковной практике, как правило, все готовящиеся принять сан священника некоторое время несут послушание алтарника.

Во время богослужения алтарник облачается в стихарь, благословившись у одного из священников. Иногда стихарь надевается на подрясник, но негласное правило, действующее в большинстве епархий РПЦ, разрешает носить подрясник только тем, кто имеет на это благословение архиерея. В обязанности алтарника входит:

- ♦ перед службой готовить облачения для священников и диаконов, зажигать лампы в алтаре и на иконостасе; перед литургией готовить просфоры, вино, воду, теплоту, кадило; перед всенощным бдени-

ем — кадило, свечи, стол с хлебами, пшеницей, вином и елеем и т. д.

- ♦ Участие в службе в качестве священосца и пономаря. Во время входов алтарник несет свечу (а в некоторых случаях и кадило); готовит кадило, зажигает свечи, разогревает теплоту и подает их в нужный момент священнослужителям; звонит в алтарный колокол.

Богатов И.А.
«Алтарник с подсвечником»

АЛТАРНИК

- ♦ Участие в службе в качестве чтеца: алтарник обычно читает повечерие, полунощницу, часы, изобразительны, во время вечерни и утрени — псалмы, кафизмы, паримии, шестопсалмие, канон и др.; может читать Апостол на литургии.

- ♦ Участие в службе в др. качествах: чтение записок и синодиков во время поминовения живых и усопших, подавание плата для отирания уст во время причащения мирян, помощь священнику при совершении таинств и треб (в т.ч. в качестве певчего и звонаря).

- ♦ Алтарник убирает в алтаре.

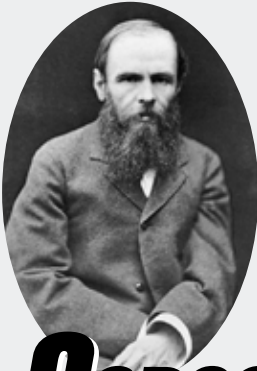
При архиерейском богослужении обязанности алтарника выполняют иподиаконы. Они облачают архиерея в священные одежды, держат светильники (трикирий и дикирий), подают их архиерею для благословения ими молящихся, носят рипиды и стелют орлецы в тех местах, где во время богослужения должен встать архиерей. Облачение иподиакона составляют: стихарь и орарь. В отличие от диакона, иподиаконы не имеют поручей, а орари у них находятся не на левом плече, а перевязаны крест на крест на груди.

На приходах теперь обычно обязанности церковнослужителей исполняют мальчики или юноши по благословению приходского священника. На эту должность их не посвящают специальным чином, так как посвящение накладывает обязательство служения Церкви, которое они, выросши, может быть, не смогут исполнять. Через хиротесию обычно поставляются на церковное служение выпускники духовных учебных заведений.

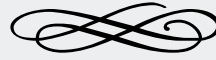
Для церковнослужителей облачение символизирует ангельское одеяние, так что, прислуживая в алтаре, они сами являют образ ангелов и апостолов. Поэтому Церковь требует от них соответствующего поведения не только в алтаре во время богослужения, но и в жизни.

По страницам
Православной энциклопедии

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Из дневников и писем писателя

Совестъ без Бога есть ужас

Атого убеждения, что оскорбление народного чувства во всѣм, что для него есть святого — есть страшное насилие и чрезвычайная бесчеловечность... Народ русский в огромном большинстве своём — православен и живёт идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею отчётливо и научно... Русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может...

Вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нём одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное.

В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства, — в том и заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и не переставаемая в народе нашем с древнейших времён, непрестанная, может быть, никогда, — и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего.

Очень может быть, что ... цели всех современных предводителей прогрессивной мысли — человеколюбивы и величественны. Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что всё здание рухнет под проклятиями человечества, прежде, чем будет завершено.

Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято.

Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может

быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной.

Не как мальчик я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла.

Совестъ без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного...

Представьте себе, что нет Бога и бессмертия души... Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия-то ведь все дело в том, чтоб только достигнуть мой срок, а там хоть все гори. А если так, то почему мне и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне, если уж не резать, так прямо жить на счет других, в одну свою утробу? Ведь я умру, и все умрем, ничего не будет...

Вся жизнь человека, личная и общественная, стоит на вере в бессмертие души. Это наивысшая идея, без которой ни человек, ни народ не могут существовать.

Любовь к человечеству — даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Те же, которые отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, «любовью к человечеству», те, говорю я, подымают руки на самих себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству.

Отсутствие Бога нельзя заменить любовью к человечеству, потому что человек тотчас спросит: для чего мне любить человечество?

Без веры в свою душу и её бессмертие бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо.

Реальный (созданный) мир конечен, но вещественный же мир бесконечен. Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немислима бы она была. А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир.

Конечно, это не научно, хотя почему бы и нет: огромный факт появления на земле Иисуса и всего, что за

сим прошло, требует, по-моему, и научной разработки. А между тем, не может же погнушаться наука значением религии в человечестве, хотя бы и в виду исторического только факта, поразительного своею непрерывностью и стойкостью. Убеждение же человечества восприкосновении мирам иным, упорное и постоянное, тоже ведь весьма значительно.

Поверьте, что нигде на Западе и даже в целом мире не найдёте вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека.

Без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек.

Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома.

Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всём заблудимся.

Грех есть смрад и смрад пройдёт. Когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос вечное.

В искушении дьявола слились три колоссальные мировые идеи, и вот прошло 18 веков, а труднее, то есть мудрёнее этих идей нет и их всё ещё не могут решить.

«Камни и хлебы» значит теперешний социальный вопрос, среда. Это не пророчество, это всегда было. «Чем идти-то к разорённым нищим, похожим от голодухи и притеснений скорее на зверей, чем на людей, — идти и начать проповедовать голодным воздержание от грехов, смирение, целомудрие, — не лучше ли накормить их сначала? Это будет гуманнее. И до Тебя приходили проповедовать, но Ты ведь Сын Божий, Тебя ждал весь мир с нетерпением; поступи же как высший над всеми умом и справедливостью, дай им всем пищу, обеспечь их, дай им такое устройство социальное, чтобы хлеб и порядок у них был всегда, — и тогда уже спрашивай с них греха. Тогда если согрешат, то будут неблагодарными, а теперь — с голодухи грешат. Грешно с них и спрашивать.

Ты Сын Божий, стало быть, — Ты всё можешь. Вот камни, видишь, как много. Тебе стоит только повелеть — и камни обратятся в хлебы...»

Вот первая идея, которую задал злой дух Христу. Согласитесь, что с ней трудно справиться. Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиной всех бедствий человеческих, одно — нищета, борьба за существование, «среда заела».

На это Христос отвечал: «Не одним хлебом бывает жив человек», — то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека. Дьяволова идея могла подходить только к человеку-скоту. Христос же знал, что одним хлебом не оживишь человека. Если при том не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрёт, с ума сойдёт, убьёт себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и в Слове Своём нёс идеал Красоты, то и решил: лучше вселить в души идеал Красоты; имея его в душе все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты. Тогда, как дай им хлеб, и они от скуки станут, пожалуй, врагами друг другу.

Но если дать и Красоту, и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека труд, личность, самопожертвование

своим добром ради ближнего, одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни.

Христос есть Бог настолько, насколько Земля могла Бога явить.

Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо ещё непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос. Но тут уж не философия, а вера, а вера — это красный цвет.

Слово Я есть до того великая вещь, что бессмысленно, если оно уничтожится. Тут не надо никаких доказательств. Всякое доказательство несоизмеримо. Мысль, что Я не может умереть, не доказывается, а ощущается, ощущается, как живая жизнь. Палец мой живёт и я не могу отрицать, что он существует. Точь-в-точь и я: раз сказав: я есмь, я не могу допустить себя, что я не буду, не могу никак.

Возлюбить человека, как самого себя по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на Земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому по закону природы должен стремиться человек. Между тем, после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашёл, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма, и в слитии оба, и я, и все (по-видимому, это крайние противоположности), взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо.

Это-то и есть рай Христов. Вся история как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели.

Но если это цель окончательная человечества (достигнув которой, ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, — стало быть, не надо будет жить), — то, следственно, человек, достигая, и оканчивает своё земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное.

Но достигать великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, то есть если не будет жизни у человека при достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существами). Эта черта предсказана и предугадана Христом — великим и конечным идеалом всего человечества — представшем нам, по закону нашей истории, во плоти.

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Триста лет после Иисуса Христа жил на Востоке богатый человек, по имени Герасим. У него были свои дома, сады, более тысячи рабов и рабынь и очень много всяких драгоценностей. Герасим думал: «Мне ничто не страшно», — но когда он один раз сильно заболел и едва не умер, тогда он начал размышлять иначе, потому что увидал, как жизнь человеческая коротка и что болезни нападают отовсюду, а от смерти не спасет никакое богатство, а потому не умнее ли будет заранее так распорядиться богатством, чтобы оно на старости лет не путало, а потом бы из-за него никто не ссорился.

Стал Герасим с разными людьми советоваться, как ему лучше сделать. Одни говорили одно, а другие другое, но все это было Герасиму не по мыслям.

Тогда один христианин сказал ему:

— Ты хорошо сделаешь, если поступишь со своим богатством, как советует Иисус Христос: ты отпусти своих рабов на волю, а имущество раздай тем, кто страдает от бедности. Когда ты сделаешь так, ты будешь спокоен.

Герасим послушался — он сделался христианином и роздал все свое богатство бедным, но вскоре увидел, что, кроме тех, которых он наделил, осталось еще много нищих, которым он уже ничего не мог дать, и эти стали его укорять, что он не умел разделить свое богатство так, чтобы на всех достало.

Герасим огорчился: ему было прискорбно, что одни его бранят, а другие над ним смеются, что он прежде жил достаточно, а теперь, все раздавши, и сам бедствует, и всех наследников обидел, а всех нищих все-таки не поправил.

Стало от этого Герасиму очень смутительно, и чтобы не терпеть досаждений от наследников, Герасим поднялся и ушел из людного места в пустыню. А пустыня была дикая, где не жил ни один человек, а только рыскали звери да ползали змеи.

Походил Герасим по жаркой пустыне и почувствовал, что здесь ему лучше. Тут хоть глухо и страшно, но зато наследники его не бранят и не проклинают и никто над ним не смеется и не осуждает его, что он так, а не этак сделал. А он сам спокоен, потому что поступил по слову Христову: «Отдай все и иди за Мною», — и больше не о чем беспокоиться.

Нашел Герасим норку под меловым камнем, натаскал туда тростника и стал жить здесь.

Жить Герасиму было тихо, а есть и пить нечего. Он с трудом находил кое-какие съедобные коренья, а за водою ходил на ручей. Ключ воды был далеко от пещерки, и пока Герасим напьется да подойдет назад к своей норке, его опять всего опалит; и зверей ему страшно, и силы слабеют, и снова пить хочется. А ближе, возле воды, нет такого места, где бы можно спрятаться.

«Ну, — думает раз в большой жар Герасим, — мне этой муки не снести: вылезешь из моей меловой норки, надо сгореть под солнцем; а здесь без воды я должен умереть от жажды, а ни кувшина, ни тыквы, никакой другой посуды, чтобы носить воду, у меня нет. Что мне делать? Пойду, — думает Герасим, — в последний раз к ключу, напьюсь и умру там».

Пошел Герасим с таким решением к воде и видит на песке следы — как будто бы здесь прошел караван на ослах и верблюдах... Смотрит он дальше и видит, что лежит тут один растерзанный зверем верблюд, а недалеко от него валяется еще живой, но только сильно ослабевший, ослик и тяжело вздыхает, и ножонками дрыгает, и губами смочет.

Герасим оставил безжизненного верблюда валяться, а об ослике подумал: «Этот еще жить может. Он только от жажды затомился, потому что караванчики не знали, где найти воду. Прежде чем мне самому помереть, попробую облегчить страдание этого бедного животного».

Герасим приподнял ослика на ноги, подцепил его под брюхо своим поясом и стал волочь его, и доволоч до ключа свежей воды. Тут он обтер ослу мокрой ладонью запекшуюся морду и стал его из рук поглаживать, чтобы он сразу не опился.

Ослик ожил и поднялся на ножки.

Герасиму жаль стало его тут бросить, и он повел его к себе, и думал: «Помучусь я еще с ним — окажу ему пользу».

Пошли они вместе назад, а тем временем огромный верблюд уже совсем почти был съеден; и в одной стороне валялся большой лохмот его кожи. Герасим пошел взять эту кожу, чтобы таскать в ней воду, но увидел, что за верблюдом лежит большой желтый лев с гривой — от сытости валяется и хвостом по земле хлопает.

Герасим подумал: «Ну, должно быть, мой конец:

Лев старца Герасима

Н.С. ЛЕСКОВ

Восточная легенда

губами смочет.

наверно, этот лев сейчас вскочит и растерзает и меня, и осленка». А лев их не тронул, и Герасим благополучно унес с собой лохмот верблюжьей кожи, чтобы сделать из нее мешок, в который можно наливать воду.

Набрал тоже Герасим по пути острых сучьев и сделал из них ослику загородочку, у самой своей норки. «Тут ему будет ночью свежо и спокойно», — думал старец, да и не угадал.

Как только на дворе стемнело, вдруг что-то будто с неба упало над пещеркой, и раздался страшный рев и ослиный крик.

Герасим выглянул и видит, что давешний страшный лев потряс первую сытость и пришел съесть его осла, но это ему не удалось: прыгнув с разбега, лев не заметил ограды и воткнул себе в пах острый сук и взревел от невыносимой боли.

Герасим выскочил и начал вынимать из раны зверя острые спицы.

Лев от боли весь трясся и страшно ревел и норовил хватить Герасима за руку, но Герасим его не пугался и все колючки повывнул, а потом взял верблюжью кожу, взвалил ее на ослика и погнал к роднику за свежей водою. Там у родника он связал кожу мешком, набрал ее полную воды и пошел опять к своей норе.

Лев во все это время не тронулся с места, потому что раны его страшно болели.

Герасим стал омыwać раны льва, а сам подносил к его разинутой пасти воду в пригоршне, и лев лакал ее воспаленным языком с ладони, а Герасиму было не страшно, так что он сам над собой удивлялся.

Повторилось то же на другой день и на третий, стало льву легче, а на четвертый день как пошел Герасим с ослом к роднику, смотрит — приподнялся и лев и тоже вслед за ними поплелся.

Герасим положил льву руку на голову, и так и пошли рядом трое: старик, лев и осленок.

У ключа старец свободной рукою омыл раны льва на вольной воде, и лев совсем освежел, а когда Герасим пошел назад, и лев опять пошел за ним.

Стал старик жить со своими зверями.

У старца выросли тыквы, он начал их сушить и делать из них кувшины, а потом стал относить эти кувшины к источнику, чтобы они годились тем, у кого не во что захватить с собою воды. Так жил Герасим и сам питался, и другим людям по силе своей был полезен. И лев тоже нашел себе службу: когда Герасим в самый зной отдыхал, лев стерег его осла. Жили они так изрядное время, и некому было на них удивляться, но раз увидели эту компанию проходившие караваном путники и рассказали про них в жилых местах по дорогам, и сейчас из разных мест стали приходить любопытные люди: всем хотелось посмотреть, как живет бедный старик и с ним ослик и лев, который их не терзает. Все этому стали удивляться и спрашивали у Герасима:

— Открой нам, пожалуйста, какую ты силою это делаешь? Верно, ты не простой человек, а необыкновенный, что при тебе происходит Исаево чудо: лев лежит рядом с осликом.

А Герасим отвечал:

— Нет, я самый обыкновенный человек, и даже, признаюсь вам, что я еще очень глуп: я вот с зверями живу, а с людьми совсем жить не умел — все они на меня обиделись, и я ушел из города в пустыню.

— Чем же ты обидел?

— Хотел разделить между всеми свое богатство, чтобы все были счастливы, а вместо того они все перессорились.

— Зачем же ты их умнее не поровнял?

— Да вот то-то оно и есть, что ровнять-то трудно тех, кои сами не ровняются; я сделал ошибку, когда забрал себе много сначала. Не надо бы мне забирать себе ничего против других лишнего — вот и спокойно было бы.

Люди закивали головами.

— Эге! — сказали, — да это старик-то дурашливый, а между тем все-таки же удивительно, что у него лев осленка караулит и не съест их обоих. Давайте поживем мы с ним несколько дней и посмотрим, как это у них выходит.

Остались с ними три человека.

Герасим их не прогонял, только сказал:

— Вместе жить надо не так, чтобы троим на одного смотреть, а надо всем работать, а то придет несогласие, и я вас тогда забоюсь и уйду.

Три согласились, но на другой же день при них случилась беда: когда они спали, заснул тоже и лев и не слышал, как проходившие караваном разбойники накиннули на ослика петлю и увели его с собою.

Утром люди проснулись и видят: лев спит, а ослика и следа нет. Три и говорят старцу Герасиму:

— Вот ты и в самом деле дождался того, что тебе давно следовало: зверь всегда зверем будет, вставай скорей — твой лев съел наконец твоего осла и, верно, зарыл где-нибудь в песок его кости.

Вылез Герасим из своей меловой норы и видит, что дело похоже на то, как ему трое рассказывают. Огорчился старик, но не стал спорить, а взвалил на себя верблюжий мех и пошел за водою.

Идет, тяжело переступает, а смотрит — за ним вдалеке его лев плетется; хвост опустил до земли и головою понурился.

«Может быть, он и меня хочет съесть?» — подумал старик. — Но не все ли равно мне, как умереть? Поступлю лучше по Божью завету и не стану рабствовать страху».

И пришел он и опустился к ключу и набрал воды, а когда восклонился — видит, лев стоит на том самом месте, где всегда становился осел, пока старец укреплял ему на спину мех с водою.

Герасим положил льву на спину мех с водою и сам на него сел и сказал:

— Неси, виноватый.

Лев и понес воду и старца, а три пришельца как увидели, что Герасим едет на льве, еще пуще дивились. Один тут остался, а двое из них сейчас же побежали в жилое место и возвратились со многими людьми. Всем захотелось видеть, как свирепый лев таскает на себе мех с водою и дряхлого старца.

Пришли многие и стали говорить Герасиму:

— Признайся нам: ты или волшебник, или в тебе есть особливая сила, какой нет в других людях?

— Нет, — отвечал Герасим, — я совсем обыкновенный человек, и сила во мне такая же, как у вас у всех. Если вы захотите, вы все можете это сделать.

— А как же этого можно достигнуть?

— Поступайте со всеми добром да ласкою.

— Как же с лютым быть ласково? Он погубит.

— Эко горе какое, а вы об этом не думайте и за себя не бойтесь.

— Как же можно за себя не бояться?

— А вот так же, как вы сидите теперь со мной и моего льва не боитесь.

— Это потому нам здесь смело, что ты сам с нами.

— Пустяки — что я от льва за защита?

— Ты от зверя средство знаешь и за нас заступишься.

А Герасим опять отвечал:

— Пустяки вы себе выдумали, что я будто на льва средство знаю. Бог Свою благодать дал мне, чтобы в себе страх победить, — я зверя обласкал, а теперь он мне зла и не делает. Спите, не бойтесь.

Все полегли спать вокруг меловой норки Герасима, и лев лег тут же, а когда утром встали, то увидели, что льва нет на его месте!.. Или его кто отпугнул, или убил и зарыл труп его ночью.

Все очень смутились, а старец Герасим сказал:

— Ничего, он верно за делом пошел и вернется.

Разговаривают они так и видят, что в пустыне вдруг закружилась столбом пыль и в этой пронизанной солнцем пыли веются странные чудища с горбами, с крыльями: одно поднимается вверх, а другое вниз падает, и все это мечется, и все это стучит и гремит, и несется прямо к Герасиму, и враз все упало и повалилось, как кольцом, вокруг всех стоявших; а позади старый лев хвостом по земле бьет.

Когда осмотрелись, то увидели, что это вереница огромных верблюдов, которые все друг за друга привязаны, а впереди всех их — навьюченный Герасимов ослик.

— Что это такое сделалось и каким случаем?

А было это вот каким случаем: шел через пустыню купеческий караван; на него напали разбойники, которые ранее угнали к себе Герасимова ослика. Разбойники всех купцов перебили, а верблюдов с товарами взяли и поехали делиться. Ослика же они привязали к самому заднему верблюду. Лев почуял по ветру, где идет ослик, и бросился догонять разбойников. Он настиг их, схватил за веревку, которою верблюды были связаны, и пошел скакать, а верблюды со страха перед ним прыгают и ослика под-

кидывают. Так лев и пригнал весь караван к старцу, а разбойники все с седел свалились, потому что перепуганные верблюды очень сильно прыгали и невозможно было на них удержаться. Сам же лев обливался кровью, потому что в плече у него стремилась стрела.

Все люди всплеснули руками и закричали:

— Ах, старец Герасим! Твой лев имеет удивительный разум!

— Мой лев имеет плохой разум, — отвечал, улыбаясь, старец, — он мне привел то, что мне вовсе не нужно! На этих верблюдах товары великой цены. Это огонь! Прошу вас, пусть кто-нибудь сядет на моего осла и ответит этих испуганных верблюдов на большой путь. Там, я уверен, теперь сидят их огорченные хозяева. Отдайте им все их богатство и моего осла на придачу, а я поведу к воде моего льва и там постараюсь вынуть стрелу из его раны.

И половина людей пошла отводить верблюдов, а другие остались с Герасимом и его львом и видели, как Герасим долго вытягивал и вынул из плеча зверя зазубренное острие.

Когда же возвратились отводившие караван, то с ними пришел еще один человек средних лет, в пышном наряде и со многим оружием, и, завидя Герасима, издала бросился ему в ноги.

— Знаешь ли, кто я? — сказал он.

— Знаю, — отвечал Герасим, — ты несчастный бедняк.

— Я страшный разбойник

Амру!

— Ты мне не страшен.

— Меня трепещут в городах и в пустыне — я перебил много людей, я отнял много богатств, и вдруг твой удивительный лев сразу умчал весь наш караван.

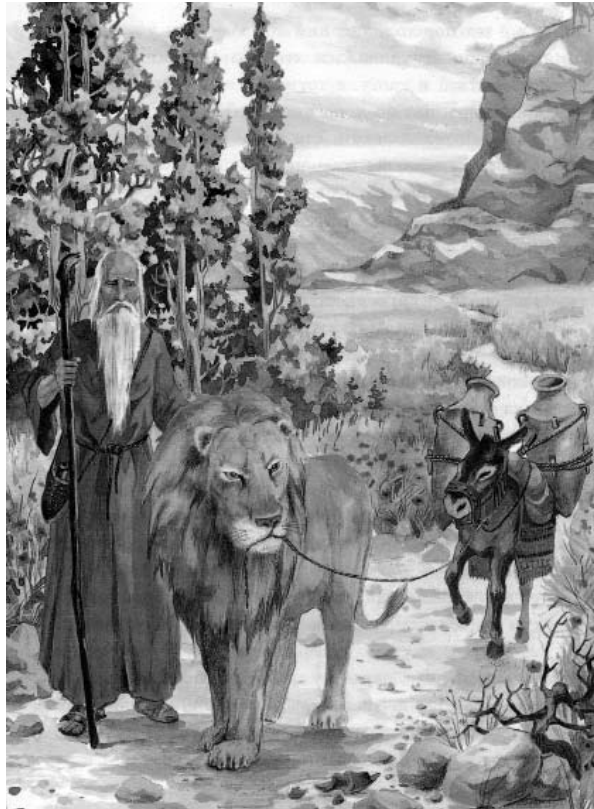
— Он зверь, и потому отнимает.

— Да, но ты нам все возвратил и прислал еще нам своего осла на придачу... Возьми от меня по крайней мере хоть один шатер и раскинь его, где хочешь, ближе к воде, для твоего покоя.

— Не надо, — отвечал старец.

— Отчего же? Для чего же ты так горд?

— Я не горд, но шатер слишком хорош и может возбуждать зависть, а я не сумею его разделить со всеми без обиды, и увижу опять неровность, и стану бояться. Тогда лев мой уйдет от меня, а ко мне придет другой жадный зверь и опять приведет с собой беспокойство, и зависть, и дележ, и упреки. Нет, не хочу я твоих прохладных шатров, я хочу жить без страха.

Марина Алёшина

Притчи старца Паисия для маленьких

*Как два старца
хотели поссориться*

ВЕСТИНИЧЕК

Жили два монаха вместе долгие годы. В пустыне жизнь нелегка: не хватает ни еды, ни воды. А они не только ни разу не поссорились, но всегда были довольны друг другом.

И вот говорит один из них:

— Слышал я, что другие люди ссорятся. Давай и мы поругаемся, хоть один разок!

Второй старец удивился:

— Я и не знаю, как это делается.

— Давай попробуем так, — продолжал первый, — я поставлю посреди комнаты кувшин и скажу: «Он мой». А ты: «Не твой он, а мой!». Так мы и поссоримся.

Договорились. И говорит первый:

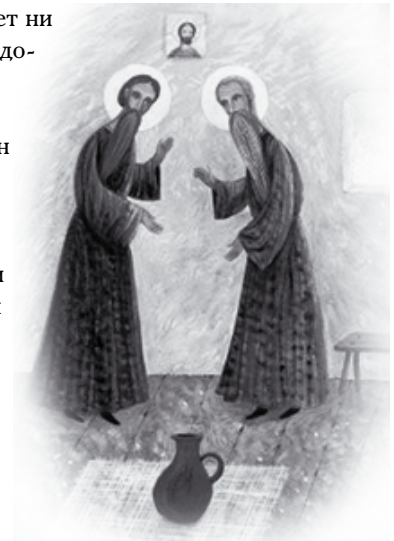
— Этот кувшин — мой! Второй старец отвечает, как условились:

— Не твой он, а мой! Первый возразил:

— Нет, мой!

— Так если он твой, забирай его! — удивился второй.

Так и не смогли они поссориться.

*Куда всё на свете
может поместиться*

Рот какой человек большой! Ноги крепкие, руки длинные.

А глаз — самый маленький.

Но глянет — и охватит звёзды и луну, небо и землю. Всё видит, и весь мир в себя вмещает.

Так и сердце.

Мало оно, но в нём поселились львы и змеи. Да дороги пролегли с ухабами, и пропасти глубокие и чёрные.

Но если придёт в него Бог, поселяются тут ангелы, и сияет свет, и стоят города небесные, и живут апостолы и святые, и сияют царские сокровища.

Всё помещается в малое сердце.

Бог в помощь

Рспахал крестьянин землю, бросил семена. Порыхлил, удобрил. Стал урожая ждать.

Но вот беда: на небе — ни облачка, и дождя — ни капли.

И ростки уже взошли, а солнце так и печёт, того и гляди — всё спалит. И не видать тогда урожая, а зимой детишкам по углам голодными сидеть.

Трудится крестьянин с утра до вечера в поле, спины не разгибая, рук не покладая. А дождя все нет и нет, и будто бы зря все заботы его.

Но вот затянуло небо тучами и пролился дождь. Обрадовалась земля, деревья встрепенулись, а ростки так припустили вверх, что нам с тобой за ними и не угнаться.

А осенью собрали столько, что в амбары не поместилось, пришлось новые строить.

Вот как бывает.

И ты так же: учись и трудись изо всех сил, потому что Бог от человека труда хочет. Только помни: если Он не поможет, и помощь Свою, словно дождь, не пошлёт, не бывать богатому урожаю.

20 сентября 2012 года отошёл ко Господу настоятель храма Покрова Божией Матери с. Усть-Кокса, священник Андрей Суховский.

«ВЫ ВЕДЬ ВОИНЫ ХРИСТОВЫ! СТОЙТЕ ДО КОНЦА!»

Отец Андрей (Андрей Александрович) родился 30 июня 1941 года в г. Москве. Мать — учительница, отец — офицер Советской Армии, погиб во время Великой Отечественной войны.

Ещё младенцем принял Таинство святого Крещения в 1947 году в храме Ильи Обыденного в Москве. С детства постоянно посещал храм. Друзьями семьи были многочисленные священнослужители Русской Православной Церкви, которым при необходимости оказывалась посильная помощь. По религиозным соображениям отказался вступать в комсомол. По окончании школы собирался поступить в семинарию, но родственники — педагоги упростили этого не делать, так как в годы хрущёвских церковных гонений им это стоило бы работы.

Андрей Александрович закончил Первый медицинский институт им. И.М. Сеченова, после чего работал научным сотрудником в Институте психиатрии АМН и стал кандидатом медицинских наук СССР, позднее работал на кафедре психиатрии Центрального института усовершенствования врачей. Все эти годы активно оказывал консультативно-врачебную помощь православным верующим, в том числе священнослужителям.

В 90-е годы стал слушателем Свято-Тихоновского богословского института.

В 1992 году, в день памяти 40 Севастийских мучеников, был рукоположен в диакона, а 22 мая этого же года, в день памяти святителя Николая, — в иереи Пресвященнейшим Тихоном епископом Новосибирским и Барнаульским.

С 1992 года был назначен Настоятелем храма Церкви Покрова Божией Матери с. Усть-Кокса Республики Алтай, где ему пришлось нести своё пастырское служение 20 лет и строить храм. В 90 годы это было очень нелёгким делом. Не имея финансовой помощи извне отец Андрей вкладывал свои личные средства, иконы и духовную литературу на создание храма.

Отец Андрей был искренне верующий человек, много молился, был строгим и любящим пастырем. Долгие годы активно и плодотворно сотрудничал с администрацией Усть-Коксинского района. Имея высшее образование, отец Андрей всю жизнь занимался сравнительным богословием, изучая все традиционные религии, был грамотным специалистом по сектоведению. Автор многих статей и публикаций как в нашей местной газете, так и республиканских и российских. Как духовник он имел огромное количество духовных чад, как в России, так и за пределами её. К нему обращались за молитвенной помощью многие верующие люди: как местные, так и из далёких уголков России и зарубежья.

Воистину, отец Андрей был настоящим алтайским священником и миссионером. Твёрдый характер, твёрдая вера, крепкая молитва — это был воин Христов. Он всегда говорил прихожанам и близким своим: «Вы ведь воины Христовы! Стойте до конца!» И сам был в этом твёрд, не взирая на любое мнение и противостояние, которое постоянно присутствует из-за непрекращающейся активности различных оккультных течений в наших местах. По молитвам батюшки и силами верных христиан в Талде был построен храм во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Быть может, не для всех это имеет большую цену, но для Господа каждая душа, обращающаяся к Нему, дороже «злата и топазия». Батюшка с большой тонкостью чувствовал каждую душу. Он был не только образованным врачом, но и имел также дар исцеления души. С большим уважением относился к людям, имеющим «твёрдое намерение — жить по-христиански». Кто-то когда-то сравнил труд священника с трудом хирурга. Это точное сравнение для нашего пастыря. Не каждый может пережить болезненное вскрытие язвы без всякой анестезии. Батюшка «твёрдой рукой» совершал подобные операции. И тот, кто был в числе его «пациентов», знает, как Божьей волей наступало после них желанное исцеление и обновление души, и новое дыхание жизни.

За «суровым нравом» скрывалось горячее сердце молитвенника. Для батюшки всегда было важно усилие самого человека на пути к Господу, он не пытался кого-то лаской приманивать в церковь, но ждал чистых, честных намерений самой души, истинного стремления, истинного покаяния, истинной любви, хотя бы самую малость чего-то истинного. Он тут же с радостью воспринимал это в человеке и помогал из каждой тлеющей искорки раздувать и поддерживать живой огонь, которым каждый из нас одарён Господом. Батюшка не терпел лицемерия и лжи, он видел в человеке подлинность, и как настоящий пастырь стремился вывести душу к Свету, к подлинному Свету, а не к тому, что удобен для наших глаз. Духовный путь — это труд тяжёлый, как любой настоящий труд. Батюшка был неустанным тружеником, и люди, окружавшие и любившие его, были той же породы. До последних дней он вёл богослужения в храме и исполнял свой священнический долг. Те, кто близок церкви, знает, что это было настоящим подвигом для него, человека в таком тяжёлом физическом состоянии. Такой труд дорог каждому сердцу, чистому перед Господом.

Да упокоит Господь в селениях праведных душу новопреставленного раба Своего иерея Андрея.

Уймонские вести №39, 2012 г.

Читатели «Александро-Невского вестника» были хорошо знакомы с о. Андреем Суховским. На страницах нашей газеты батюшка часто отвечал на духовные вопросы, делился своими воспоминаниями. А о. Андрею было о чем рассказать, на его духовном пути встречались и известные архиереи, и прославленные старцы, некоторые из них ныне канонизированы. Батюшка говорил: «Это были обычные, часто немощные люди, но в них было что-то, чего нет у других, — то, про что преподобный Серафим говорил: «Мир, сердце, доброта, благодать». Еще Антоний Сурожский сказал: «Невозможно поверить в Бога, если ты хоть на одном человеке не увидишь божественного света». Вот нашему поколению сподобилось не на одном увидеть его, а на многих.»

Сегодня, молитвенно вспоминая почившего батюшку, предлагаем нашим читателям одну из его последних статей, посвященных творчеству нашего земляка В.М.Шукшина.

В.М.ШУКШИН И ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА

В многих людей вызывает сомнение, был ли верующим в Бога В. М. Шукшин. Некоторые люди даже говорят, что «церковники специально примазываются к этому любимому

народом писателю, режиссёру и киноактёру, чтобы увеличить свой авторитет». Как же обстояло дело в действительности?

Мать В. М. Шукшина, Мария Сергеевна, была очень религиозным человеком, но церковь посещала редко, и своих убеждений детям, практически, не передала. Первую половину своей жизни Василий Макарович был атеистом, что видно из его произведений. Во время учёбы в Институте кинематографии (ГИТИС) он подружился со своей сокурсницей Р. А. Григорьевой. Нередко бывал в их доме. Это был особый дом. Мать Р.А. Григорьевой, Нина Васильевна Попова, была организатором и многолетним председателем ССОД (Союза обществ дружбы с различными народами), а также одновременно организатором и многолетним председателем Комитета советских женщин. Обладая большим обаянием и гостеприимством, она принимала у себя не только всемирно известных людей, но и друзей своей дочери. Там нередко бывал ещё малоизвестный В. Высоцкий, И. Глазунов, а в последующем В. Распутин и многие другие писатели, киноактёры и просто интересные люди. Хотя Нина Васильевна во время Великой отечественной войны была первым секретарём Краснопресненского райкома партии, одним из руководителей Московского подполья, созданного на случай взятия Москвы немцами, позднее секретарём ЦК КПСС, — в сердце она хранила православную веру, которая позднее более ярко затеплилась в ней.

Ренита Григорьева была комсомольским и общественным деятелем. Очень общительная, внутренне сильная, она притягивала к себе людей. В 60-е годы она поехала в Елец, чтобы обратиться к известному в тех местах хирургу Николаю Александровичу Овчинникову. Каково же было её изумление и негодование, когда дверь открыл седой, с длинной бородой священник в рясе. Со свойственным ей комсомольским задором, она обрушила на него обвинения, что «стыдно в наше время менять белый халат гуманной профессии врача на чёрную рясу». Отец Николай выслушал её, потом взял какую-то книгу, показал ей и спросил: «Читали ли Вы это?». Это было Евангелие. Затем сказал: «Я много лет отдал лечению тела человеческого, а теперь время лечить души». Вскоре Маргарита (как

её назвали в крещении) стала любимой духовной дочерью отца Николая.

Она привезла в Елец мать, которая была родом из Ельца и потомком по боковой линии известного церковного писателя архиепископа Иннокентия (Борисова). Она исповедалась и причастилась у отца Николая, возможно, впервые в жизни. Нина Васильевна, пользуясь своим общественным положением, выполняла просьбы отца Николая по сохранению Елецких храмов.

Конечно, и своим друзьям Маргарита с восторгом рассказывала об отце Николае и приобретенной ею православной вере. Многих из них она возила в Елец, где они принимали крещение и становились членами нашей Церкви.

Подобные разговоры она вела и с Василием Шукшиным. Он «тормошил» её, и никак не мог понять, как это можно изменить своим старым убеждениям и поверить в Бога. Но с годами что-то стало меняться в нём. Эти постепенные изменения отразились в его творчестве: это «Калина красная», где «исповедь сердца» героя происходит на фоне храма; некоторые места его произведения «До третьих петухов»; и, наконец, в его рассказе «На кладбище».

Уже в самое последнее время незадолго до своей смерти он говорил Р. А. Григорьевой, что, наконец, поверил в Бога: «Отца и Сына и Святого Духа»...

Свидетелем его веры может быть и младшая дочь, Ольга, особенно внутренне близкая отцу. Она является глубоко верующим православным человеком, живёт в Сергиевом Посаде и работает в воскресной школе при Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

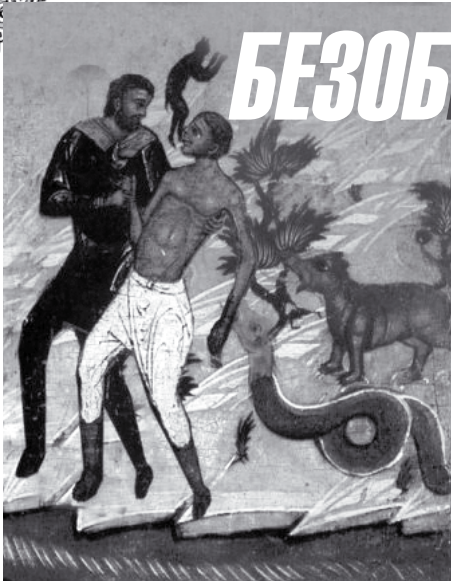
Мария Сергеевна, мать В.Шукшина, когда приезжала в Москву на похороны сына, исповедалась и причастилась в храме Ильи Обыденного, что рядом с ныне восстановленным храмом Христа Спасителя.

В 1992 году в храме Успения Божией Матери г.Бийска мне довелось исповедать и причастить сестру писателя — Наталью Макаровну. Это были ее первые в жизни исповедь и причащение.

В этот же год на Алтай был привезен Иерусалимский благодатный огонь. Этот огонь в лампаде мы с Р.Григорьевой довели до Сростков. Затем лампаду поставили на горе Бикет у Креста, который освятил Святейший Патриарх Алексей II. Крест расположен рядом с кладбищем. Пропели панихиду по рабу Божьему Василию, его матери Марии и других близких и знакомых, похороненных на этом кладбище. Как только закончили и произнесли «Аминь», огонёк в лампаде потух...

Священник Андрей Суховский
Республика Алтай, с. Усть-Кокса

БЕЗОБИДНО ЛИ СКВЕРНОСЛОВИЕ?

В медицинской практике известно такое явление: при параличе, при полной потере речи, когда человек не может выговорить ни «да», ни «нет», он может, тем не менее, совершенно свободно произносить целые выражения, состоящие исключительно из матов. Явление на первый взгляд очень странное, но говорит оно о многом.

Получается, что так называемый мат проходит по совершенно иным нервным цепочкам, нежели вся остальная нормальная речь. Что же это за цепочки? Что (или кто) за ними стоит? Кто таким путем демонстрирует свою власть над парализованным телом? На этот и многие другие вопросы, касающиеся такого, казалось бы, «невинного» греха, как мат, отвечает священник Павел Гумеров.

Одной из примет постигшей нас духовной и культурной катастрофы стало сквернословие. Если раньше матерщина была, главным образом, специфическим языком преступников, пьяниц и других опустившихся лиц, то теперь мат все глубже проникает во все социальные и возрастные слои общества, нам все более пытаются навязать, что русский язык вообще невозможен без мата.

Постараемся показать исторические корни сквернословия и развенчать некоторые мифы, возникшие вокруг него.

Начнем с того, что мат — явление древнее и присущее почти всем народам. О «гнилом слове» писал еще апостол Павел. В IV веке святитель Иоанн Златоуст говорил: «Егда кто матерными словами ругается, тогда у Престола Господня Мати Божия данный Ею молитвенный покров от человека отнимает и Сама отступает, и который человек матерно избранится, себя в той день проклятию подвергает, понеже мать свою ругает и горько ее оскорбляет. С тем человеком не подобает нам ясти и пити, аще не отстанет от онаго матерного слова». Запомним эти слова святителя, к ним мы еще вернемся.

В чем же феномен матерной брани? Почему слова, обозначающие в основном медицинские термины, при «переводе» на матерный язык становятся нецензурным сквернословием? Почему они вообще применяются, часто не по прямому назначению? Во всех языках и культурах матерная лексика обозначает одно и то же. Это относительно небольшая («грязная дюжина», как говорят англичане) и замкнутая группа слов. В эту группу входят наименования частей человеческого тела, прежде всего гениталий, физиологических отправлениях, полового акта и производные от них слова.

Епископ Варнава (Беляев) пишет, что срамное слово — «наследие чисто языческое. Оно всецело коренится в фаллических культах Древнего Востока, начиная с глубин сатанинских (см.: Откр 2, 24) и темных бездн разврата в честь Ваала, Астарты и прочих и кончая классическими наследниками Хама». Культы древнего Вавилона, земли Ханаанской, в которых практиковалось принесение в жертву младенцев, служение разврату, блуду, ритуальная проституция, и дали соответствующую терминологию ритуальных заклинаний,

которые легли в основу матерной брани.

Произнося нецензурные слова, человек (пусть даже неволью) призывает бесовские силы и участвует в изуверском культе. Известно, что народы, населявшие Ханаан, были завоеваны евреями и беспощадно истреблены по повелению Божию. И это вовсе не необъяснимая жестокость, а праведный гнев Божий, наказание за чудовищное растление и поклонение греху.

Одним из распространенных мифов является утверждение о том, что матерщину на Русь занесли монголы и татары. Смешно полагать, будто жили раньше чистые, высокоморальные кривичи и родимичи, не знавшие сквернословия, а потом пришли испорченные монголы и научили их нецензурной лексике. Нет, корни сквернословия — языческие заклинания, и на Руси они были еще до монголов. У восточных славян, как и у других народов, в языческие времена существовал культ плодородия, вера в мистический брак земли и неба. На русских языческих свадьбах пели так называемые корильные песни, в которых содержались ритуальные оскорбления жениха (чтобы не пришлось избраннице корить его в семейной жизни). С помощью матерной брани язычник-славянин отпугивал также нечистую силу, думая, что бесы боятся матюгов.

Уже после Крещения Руси за сквернословие строго наказывали. В указе царя Алексея Михайловича 1648 года подчеркивается недопустимость сквернословия в свадебных обрядах: чтобы «на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили». Здесь же упоминается и о святочном сквернословии: «А в навечери Рождества Христова и Васильева дня и Богоявления... чтобы песней бесовских не пели, матерны и всякою непотребною лаю не бранились». Считалось, что матерным словом оскорбляется, во-первых, Мать Божия, во-вторых, родная мать человека и, наконец, мать-земля.

Еще при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за сквернословие наказывали розгами на улицах. Нелишне будет вспомнить, что за нецензурную брань в общественном месте даже по Уголовному кодексу СССР полагалось 15 суток ареста.

Мы несем ответственность за каждое праздное слово,

особенно за скверное. Ничто не проходит бесследно, и, оскорбляя мать другого человека, посылая проклятия ему самому, мы тем самым навлекаем беду на себя. Вспомним слова святителя Иоанна Златоуста: «Который человек матерно избранится, себя в той день проклятию подвергает».

За срамословие Бог попускает на человека различные беды, напасти и болезни. В медицине есть род психического заболевания (правда, плохо изученного), когда человек, может быть, даже далекий от грязной брани, страдает необъяснимыми припадками. Большой вдруг начинает помимо своей воли изрыгать потоки нецензурной брани, часто очень изощренной. Иногда хулит святых и Бога. В духовной практике это называется одержимостью, или беснованием. Бес, находящийся в одержимом, заставляет его произносить страшные ругательства и хулу. Известно, что такого рода беснование может случиться по попушению Божию даже с детьми.

Очень часто люди, находящиеся в духовном помрачении, слышат голоса, которые произносят поток матерной брани и богохульства. Несложно догадаться, кому принадлежат эти голоса. Матерную брань издревле называют языком бесов.

Приведу пример того, как действует так называемое «черное слово», то есть выражения с упоминанием черта.

Один человек очень любил употреблять это слово к месту и не к месту. И вот приходит он как-то домой (а посередине его комнаты стоял стол) и видит, что под столом сидит тот, кого он так часто поминал. Человек в ужасе спрашивает его: «Зачем ты пришел?» Тот отвечает: «Ведь ты меня сам постоянно зовешь». И исчез. Это не какая-нибудь страшилка, а совершенно реальная история.

Как священник могу привести немало подобных случаев даже из своей небольшой практики.

Дьявол, к сожалению, не персонаж фильмов ужасов, а реальная сила, которая существует в мире. И человек, употребляющий матерные, скверные, черные слова, сам открывает двери своей души этой силе.

Привыкший сквернословить находится уже в зависимости от своей вредной привычки. Кто думает, что независим — пусть попробует хотя бы два дня не употреблять мат, и поймет, кто в доме хозяин. Недавно в известном ростовском салоне красоты случилось ЧП: уволились сразу три женщины-парикмахера. Причина заключалась в том, что директор запретил им материться на рабочем месте. Вынести этот запрет молодые женщины были не в силах.

Мат оскорбляет человека, убивает его душу. В компании матерщинников возникает ложный стыд сказать искреннее, до-

брое слово. Употребляя скверные слова, человек часто подсознательно хочет заглушить в себе голос совести, стыд, чтобы дальше уже было легче совершать постыдные поступки.

Каждому молодому человеку, употребляющему матерную брань, следует задать себе вопрос: будет ли ему приятно, когда его маленькие сын или дочь станут при нем ругаться матом? В американских семьях существует очень интересный обычай. Когда дети приносят с улицы бранные слова и спрашивают об их значении, то родители, как правило, разъясняют все честно, но потом в обязательном порядке заставляют ребенка вымыть рот с мылом, ведь мерзкие слова пачкают и сознание, и душу, и слух, и произносящий их рот. Неплохо бы и нам ввести для своих детей подобный обычай.

Подросток, изощренно бранясь, хочет скрыть свою внутреннюю слабость, инфантильность. И вместо того чтобы делом доказать, что он уже взрослый, надевает на себя броню грубости и неприступности. Вот какой я крутой — и ругаюсь, и курю, и пью. Тому, кто и правда силен, не нужно доказывать это всему миру. По-настоящему независимый человек — не тот, кто живет по закону стада: куда все, туда и я. Сильный человек не позволяет вредной привычке господствовать над ним.

Язык, речь — это наше оружие, средство общения, убеждения, языком надо учиться владеть. И делать это очень трудно. Брань бывает двух видов: аффективная, то есть в минуту гнева, раздражения, и просто, что называется, для связки слов. Последней люди так привыкают, что не могут без нее обойтись.

Но как же, скажете вы, по телевидению мы сейчас часто слышим матерные слова? Не все, что на TV, правильно и хорошо. То, что показывают, нужно обязательно фильтровать. Современное телевидение коммерческое, и ничего случайного там показывать не будут. Это либо реклама (явная или скрытая), либо оплаченный заказ. Зачем нам нужно плясать под дудку тех, кто хочет, чтобы мы превратились в тупое, обкуренное стадо баранов?

Игумену Савве (Молчанову), который окормляет очень много военных, один армейский чин рассказал, что он долго не мог избавиться от страсти сквернословия. Искоренил он эту привычку таким образом. Как только у него вырывалось «гнилое слово», он брал это на заметку, находил в казарме удобное местечко и делал 10 поклонов. И порок сквернословия был совершенно им оставлен. Очень хорошо молодым людям последовать этому примеру.

По страницам книги
«Малая Церковь»

«Ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык — небольшой член, но много делает.

Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда.

Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду...» (Иак. 3. 2–12).

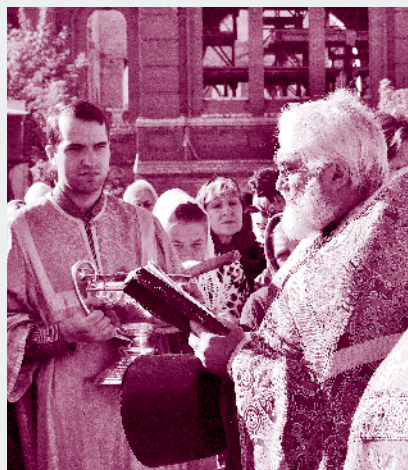

ФОТОРЕПОРТАЖ
**«Божественное
сокровище
Российстей земли»**

Празднование
престольного праздника
в день памяти
св. кн. Александра Невского

фото Н. Кимайкиной

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 16.10.12. Выход по графику 28.08.12

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.